

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ». ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2011 И. А. Алтухова

*аспирант каф. литературы
e-mail: i.altukhova@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье отражено восприятие творчества Ф. М. Достоевского писателями и критиками XX века. Анализируется роман «Униженные и оскорблённые» как важнейший этап в творческой эволюции автора. Доказывается важность и необходимость обращения к произведению в целях постижения идейно-художественной специфики романистики Достоевского.

Ключевые слова: творческая эволюция, идейно-художественное становление, поэтика, полифонический роман, мировоззренческая концепция.

Творчество Ф. М. Достоевского, писателя специфических тем и особой поэтики, привлекало внимание исследователей разных периодов становления литературоведческой науки.

Роман «Униженные и оскорбленные» занимает особое место в творческом наследии автора. Произведение имеет переходный характер, в нем сочетаются традиции и новаторство художественного поиска писателя. И в этом плане оно дает богатейший материал для уяснения того, как складывался романский почерк Достоевского, каким путем он шел к созданию «полифонического» романа. Важность и необходимость обращения к «Униженным и оскорбленным» в целях изучения идейных исканий и творческого пути великого писателя не вызывает сомнений.

В. И. Этов справедливо отмечал: «Это первое многопроблемное, многоплановое произведение Достоевского, стоящее в преддверии его программных социально-философских романов. В известной мере “Униженные и оскорбленные” можно назвать “экспериментальным” романом Достоевского, эскизом его будущих творческих композиций. В нем собраны многие мотивы, ситуации, опробованы новые принципы изображения, которые затем будут успешно использованы писателем» [Этов 1972: 312].

В многочисленных литературоведческих исследованиях творчества Достоевского роману «Униженные и оскорбленные» отведено довольно скромное место. Можно отметить книгу Н. Долининой «Предисловие к Достоевскому», однако автор обращается к юному читателю и выделяет пласты идейно-художественного своеобразия произведения, которые могут быть доступны пониманию этой читательской аудитории.

В исследовании Л. Л. Семенищевой «Роман Ф. М. Достоевского “Униженные и оскорбленные”: проблематика и особенности реализма» рассматривается мировоззрение писателя в период написания романа, предлагается анализ образной системы произведения.

Автор отмечает, что мировоззренческая концепция писателя содержала трезвую историческую правду в оценке многих общественных явлений. Отсутствие революционности ставится писателю в упрек. В поисках путей преобразования жизни

Достоевский возлагал надежды на нравственное совершенствование человека, и этим его позиция кардинально отличалась от позиции революционеров-демократов. Это определило обращение писателя в его творчестве к этическим проблемам, углубление в психологию человека. «В романе Достоевский впервые подходит к интерпретации темы страдания как высшего нравственного блага, свидетельствующего о неуспокоенности сердечной жизни человека и являющегося необходимым условием нравственного возрождения. Страдание мыслится автором как важнейшее качество национального характера, его христианской сущности» [Семеновичева 1984: 5].

Отмечена и общность автора и писателей XIX века в изображении национального женского характера. «Оригинальный подход Достоевского к изображению национального женского характера не снимает вопроса о близости этических устремлений Достоевского и русских писателей XIX века, в частности Тургенева, Пушкина. В критический момент жизни Наташа проявляет высокие нравственные начала: способность мужественно встретить беду, остаться внутренне собранной в несчастье, сохранить сердечную отзывчивость к “чужой жизни”, несмотря на трагизм собственной судьбы. Осмысление этих качеств как народной стихии в характере героини дает возможность говорить о пушкинских традициях в творчестве Достоевского в изображении национального женского характера» [Там же: 7].

Яркой индивидуальной чертой психологизма Достоевского в романе является изображение героя в моменты наивысшего душевного напряжения, в момент принятия «окончательного решения». Характерна для психологизма Достоевского установка на «недоговоренность» (в этом его отличие от манеры Толстого).

Первые отзывы в критике об «Униженных и оскорбленных» дал Н. Г. Чернышевский: «Роман будет одним из лучших, какие являлись у нас в последние годы» [Чернышевский 1906: 57]. В интерпретации взаимоотношений героев романа Чернышевский увидел достоверное изображение сложных жизненных ситуаций, реальных противоречий в психологии человека.

Затем Н. А. Добролюбов в статье «Забитые люди» назвал роман «лучшим литературным явлением»: «Роман недурен собой...» [Добролюбов 1978: 42]. Добролюбов обращает внимание на образ автора: «он в романе унижен и оскорблен более всех». Критик отмечает, что в романе очень много «живых, хорошо отделанных частных» [Там же: 45]. К ним он относит обрисовку некоторых характеров (Нелли, старика Ихменева). «Все это дает право роману на внимание публики, при общей бедности хороших повестей в настоящее время... Но... не возвышает его настолько, чтобы применять общие художественные требования ко всем его частностям и сделать его предметом подробного эстетического разбора» [Добролюбов 1978: 45]. Главное, что удовлетворило Добролюбова в новом произведении Достоевского, – это стремление писателя к обрисовке «психологических тонкостей», которое, по мнению критика, увлекло Достоевского от постановки важнейших проблем времени. В изображении любовных переживаний героев романа Добролюбов увидел, в отличие от Чернышевского, воспроизведение явлений случайных, не выводимых из объективных закономерностей жизни.

Мнение Добролюбова о романе Ф. М. Достоевского разделил А. Григорьев. Он писал: «Что за смесь удивительной силы чувства и детских нелепостей роман Достоевского? Что за безобразие и фальшь – беседа с князем в ресторане (князь – это просто книжка!). Что за детство, то есть детское сочинение княжна Катя и Алеша! Сколько резонерства в Наташе и какая глубина в создании Нелли! Вообще, что за мощь всего мечтательного и исключительного и что за незнание жизни!» [Григорьев 1917: 274].

Своеобразная интерпретация произведения принадлежит Н. Н. Михайловскому, она была представлена уже в 80-е годы. Он сходится с Добролюбовым в отрицательных оценках. Говорит об отсутствии чувства меры у художника, о «толкотне событий», «ненужных надстройках, вставках и отступлениях»... А кроме того, находит в романе «присутствие ненужного мучительства», - в чем видит общую тенденцию творчества Достоевского. [Михайловский 1978: 306].

Период с середины XX и до начала XXI века, в силу сложившихся общественно-исторических и культурных обстоятельств, сделал актуальной реинтерпретацию творчества Ф.М. Достоевского, писателя, по общему мнению, апокалиптического.

Особое внимание исследователей, начавших процесс переосмысления сочинений автора, привлекали его зрелые произведения (особенно показательно в этом отношении обращение к замалчиваемому ранее роману «Бесы»). В данной связи начинается активная переоценка работ о Достоевском, принадлежащих символистско-декадентской критике [Иванов 1995; Мережковский 1995; Белый 1994], в которых были обозначены вопросы, ставшие проблемными для литературоведения конца XX – начала XXI века. Наряду со злободневными для эпохи самого писателя идеями, в его произведениях открывались и оживленно обсуждались темы вневременного значения, важные как для понимания сущностных проблем русского национального характера, так и для осознания потребностей всего человечества. Отмеченная еще Б. И. Бурсовым особенность Достоевского: «Писатель исключительно русской темы, Достоевский ввергал своего героя, русского человека, в бездну проблем, возникших перед человеком вообще на протяжении всей его истории. На страницах романов Достоевского оживает, в преломлении индивидуального сознания, вся история человечества, мысли и культуры» [Бурсов 1979: 678], – дает возможность увидеть в его произведениях ту универсальность, которая сообщает им актуальность по отношению к разнообразно ориентированным в идеологическом отношении временам. Социальный уровень сочинений Ф.М. Достоевского и особенности психологизма достаточно глубоко были раскрыты в трудах Ю. Ф. Карякина, В. Я. Кирпотина, О. Н. Осмоловского, Г. М. Фридлендера и др. Данный круг проблем с неизбежностью пересекался с анализом философско-мировоззренческих концепций, нашедших отражение в творчестве писателя (В. Н. Белопольский, В. Иванов, В. Я. Кирпотин, Ю. Г. Кудрявцев, Р. Лаут, Г. М. Фридлендер), его литературных связей (Я. С. Билиннис, С. Бочаров, Н. Ф. Буданова, Н. С. Вильмонт, Ф. Б. Тарасов, Г. К. Щенников), а также с влиянием фактов биографии (Н. Ф. Бельчиков, Б. Ю. Бурсов, И. Л. Волгин, А. С. Долинин, Ю. Г. Кудрявцев). Перечисленные аспекты изучения творческого наследия писателя, соединяясь с исследованием его поэтики (М. Гус, В. Н. Захаров, Р. Я. Клейман, В. Г. Одинокоев), в последнее время, на наш взгляд, образуют два магистральных направления. Одно из них касается мировоззренческих основ творчества данного автора, что обуславливает рассмотрение текстов Достоевского в онтологической плоскости (О. Кандауров, Л. В. Карасев, Е. М. Мелетинский, В. А. Михнюкевич, П. М. Подосенова, Л. И. Сараскина, Л. А. Спивак, В. Н. Топоров). Другая, тесно переплетенная с первой линия исследований связана с определением специфики личности писателя, с проблемой биографизма, которую в случае с Достоевским (его известная «широта», допускающая совмещение возможности «ставрогинского греха» и мечты о «положительно прекрасном человеке») нельзя решить в форме традиционной линейной биографии (Б. И. Бурсов, И. Л. Волгин, В. С. Нечаева, Е. П. Саруханян).

Относительно первого этапа литературной деятельности Достоевского со времен XIX века сложилась тенденция (заданная еще В. Г. Белинским), предполагающая по преимуществу социологический подход к его сочинениям. До конца 70-х годов прошлого века рассмотрение проблематики начинающего автора традиционно

сводилось к социально-психологической интерпретации его первых опытов (Ф. И. Евнин, В. Я. Кирпотин, А. Ковач, В. С. Нечаева, Б. Т. Удодов), тем самым акцентировалась их злободневность, но одновременно игнорировался вопрос о самобытности художественной системы писателя.

На наш взгляд, недостаточно изученным остаются глубинные архаичные уровни ранних текстов Ф. М. Достоевского, выводящие их в сферу онтологических вопросов. Это обуславливает появление в современном литературоведении ряда отдельных исследований, вскрывающих сложность организации ранних сочинений Достоевского. Мы имеем в виду прежде всего работы В. С. Ветловской и К. А. Баршта. Изучение глубинных пластов раннего творчества писателя развивает бахтинский тезис о том, что произведения этого автора органично вписываются в контекст любой национальной культуры.

В данном контексте наиболее целесообразным является обращение к раннему периоду творчества Ф. М. Достоевского, так как именно тогда начинали формироваться те идеи, которые, трансформировавшись, дали импульс для проблематики зрелых произведений писателя.

Библиографический список

- Бурсов Б. И.* Личность Достоевского: Роман-исследование. Л., 1979. 680 с.
- Григорьев А. А.* Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. СПб., 1917. 412 с.
- Добролюбов Н.А.* Забитые люди // Добролюбов Н. А. Избр. ст. М.: Сов. Россия, 1978. С. 299–352.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т.14. Л., 1976. 505 с.; Т.3. Л., 1972. 541 с.
- Евнин Ф. И.* О художественном опыте Ф. М. Достоевского в 1860–1870-х годах // Известия Академии наук СССР 1955. Т. 14. Вып. 6. Ноябрь–декабрь.
- Захаров В. Н.* Проблемы изучения Достоевского: учеб. пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1978. 110 с.
- Михайловский Н. К.* Жестокий талант // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957. 578 с.
- Семениченкова Л. Л.* «Роман Ф.М. Достоевского “Униженные и оскорбленные”»: проблематика и особенности реализма»: дисс. ... канд. филол. наук. Орёл, 1984. 195 с.
- Чернышевский. Н. Г.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т 8. СПб., 1906. 520 с.
- Этов В. И.* О художественном своеобразии социально-философского романа Достоевского // Достоевский – художник и мыслитель. М.: Худож. лит., 1972. С. 312–443.